

Секция «Политология и социология политических процессов»

Формирование и трансформация социального капитала в современной России

Терентьев Владислав Юрьевич

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет социальных наук, Москва, Россия

E-mail: vladislav.terentyev@gmail.com

При анализе состояния современного российского гражданского общества сложно переоценить влияние социальных факторов. В частности, российский социолог И. Б. Левин, оценивая первые итоги демократических реформ начала 1990-х годов, заостряет внимание на проблеме отечественного социального капитала, соглашаясь с Дж. Коулменом, считавшем, что «Социальный капитал» - это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностном пространстве[1]» и Р. Патнэмом, полагавшем, что «социальный капитал, состоящий из норм, сетей и доверия, создает условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды[2]». Исходя из этого, можно предположить, что в условиях формирования российского гражданского общества качество социального капитала является одним из определяющих факторов.

При этом, рассматривая специфику накопления социального капитала российским гражданским обществом, можно столкнуться с рядом несоответствий между процессами формирования и трансформации социального капитала в условиях современной российской действительности и их теоретическим представлением: несмотря на то, что после распада Советского Союза российское общество получило больше возможностей для увеличения социального капитала как совокупности социальных взаимосвязей, которые обеспечивают интеграцию коллективных и отдельных социальных акторов, его величина и качество остались практически неизменными. В целом, современный отечественный социальный капитал распределен неравномерно и все его виды слабо сформированы[3].

Необходимо также отметить, что явление социального капитала не является однородным и при его анализе необходимо учитывать различные параметры, роль и вес которых в процессах накопления и изменения социального капитала могут весьма варьироваться. В современных социальных науках сформировалось несколько подходов, признающих роль тех или иных параметров как детерминирующую актуальное этого явления: честность и альтруизм[4] (Alesina, Angeletos, 2005), культурные ценности[5] (Luttmer, Singhal, 2011), общественные ценности[6] (Corneo, Gruner, 2002), исторический опыт (Alesina, Giuliano, 2011), политические взгляды[7] (Alesina, Giuliano, 2011), доверие и социальные нормы[8] (Bergh, Bjørnskov, 2014, Borisova, Govorun, Ivanov, Levina, 2014). Понимание того, какой из этих параметров имеет наибольшее значение в структуре социального капитала, поможет составить наиболее корректный прогноз формирования и трансформации российского социального капитала в будущем.

Наконец, необходимо сказать, что в релевантных исследованиях российского социального капитала тема его влияния на развитие гражданских отношений, политический процесс, функционирование и перспективы политического режима является относительно неразработанной. Особенный интерес представляет изучение влияния социального капитала на процессы демократизации. Так, если проанализировать основные причины провала парадигмы транзита, выделенные Т. Карозерсом, то можно сделать вывод, что практически каждое из них можно опровергнуть конкретным социально-историческим опытом государств «третьей волны»[9], в том состоянии социального капитала. Отсюда заметим, что низкий уровень социального капитала и его последующая стагнация не смогли запустить процесс формирования в обществе ценностного паттерна гражданской толерантно-

сти и солидарности^[10], что повлияло на резко отрицательное восприятие необходимых реформ после выборы разочарования >>, в результате которых власть начала приходить к политике изнедемократ

Прежде чем рассматривать особенности формирования и трансформации социального капитала в современной России, нам необходимо рассмотреть основные характеристики самого явления социального капитала как объекта исследования, для чего необходимо изучить, прежде всего, историю появления и использования анализируемого понятия в социальных науках. В рамках нашего исследования мы использовали разработки основоположников теории социального капитала — П. Бурдье, Дж. Коулмана и Р. Патнэма. Были выявлены следующие теоретические положения:

- Социальный капитал является совокупностью характеристик социальной организации, таких, как сети, нормы и социальное доверие, которые способствуют координации и кооперации для достижения совместной выгоды.
- В основе формирования социального капитала лежат солидарные отношения взаимной выгоды между агентами.
- Важнейшими ресурсами социального капитала являются социальное доверие, информационные каналы, обязательства и ожидания, надежность социальной структуры.
- Социальный капитал способен влиять на состояние и развитие политических институтов; соотношение гражданского общества и государства; успешность проведения демократических реформ в рамках процесса демократического транзита; экономический и человеческий капитал.
- Процессы формирования и трансформации социального капитала можно проследить как на уровне семьи, так и на уровне всего общества.

Использование этих теоретических положений позволяет сложить предварительное представление о природе социального капитала, а также о функционировании механизмов его накопления и изменения. Тем не менее, для более углубленного исследования социального капитала необходимо выявить в этом достаточно обширном понятии основные показатели, при помощи которых была бы возможна дальнейшая операционализация этого понятия. Иными словами, после того, как мы рассмотрели природу социального капитала, определим в нем наиболее весомые параметры, способные повлиять на процессы его аккумуляции и функционирования. Для этих целей следует рассмотреть работы Р. Берта и Ф. Фукуямы.

Их подходы немного отличаются от рассмотренных выше. Не отрицая теоретического наследия П. Бурдье и Дж. Коулмана, а также концептуальные находки Р. Патнэма, Р. Берт и Ф. Фукуяма смещают акценты в сторону личного либо социального доверия. Основным отличием теоретических изысканий Р. Берта от других исследователей социального капитала является то, что во главу процессов накопления социального капитала он ставит отношения личного доверия между членами социальных сетей. В случае, если между социальной сетью и актором установлены отношения доверия и дружбы, он сможет получить от своего социального капитала гораздо больше.

Более детальный анализ роли доверия предпринял Ф. Фукуяма в своей работе «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию».

Подход Ф. Фукуямы достаточно сильно отличается от подходов, рассмотренных нами выше. Поместив уровень социального доверия в центр социального капитала, автор таким образом отделяет этот вид капитала от других видов, отождествляя его с уровнем

социального и культурного развития. В его понимании это уже не просто совокупность социальных связей, основанных на отношениях реципрокности; социальный капитал по Ф. Фукуяме начинает играть более фундаментальную роль в социально-политических и экономических процессах. Его формирование и трансформация происходят не по законам прагматики, как это было у П. Бурдьё или даже Р. Патнэма, но при помощи механизмов культуры, таких, как религия, традиция или обычай[12], причем накопление социального капитала будет происходить только в том случае, если в социальной организации выстроена для этого общая морально-этическая база. Благоприятное же для акторов функционирование накопленного социального капитала будет происходить преимущественно в контексте высокого социального доверия, без которого надежность системы связей будет опираться лишь условные нормативные контракты.

Высокая роль социального доверия в явлении социального капитала удобна и с точки зрения дальнейшей операционализации. Фактически, для анализа уровня социального капитала можно использовать показатели уровня доверия, которые ежегодно измеряются World Values Survey, European Values Study, General Social Survey и др. Определив уровень доверия и его основную концентрацию, мы сможем определить не только уровень социального капитала, но и то, является ли общество коллективистским либо индивидуализированным. В чрезвычайно индивидуализированных обществах с низким уровнем социального доверия, наиболее ярким примером которых Ф. Фукуяма считает современную Россию[13], слабыми будут политические институты, «<...> семья и добровольные объединения, а наиболее крепкими сообществами подчас оказываются преступные группировки[14]». Современную Россию автор не относит и к фамилистическим сообществам, где доверие и социальный капитал сконцентрированы на уровне семьи и других более крупных родственных структур — кланов и племен. Отметим, что именно о таких сообществах с семейственным социальным капиталом писал Р. Патнэм. Также для фамилистических сообществ свойственен патернализм, так как потенциал для создания общественных объединений остается достаточно низким[15]. Добавим, что для нашего последующего анализа понятие фамилистических сообществ может быть важно лишь в том случае, если в России в ближайшее время начнет наблюдаться значительное усиление института семьи.

Заметим здесь, что индивидуализированные и фамилистические сообщества Ф. Фукуяма располагает на одном полюсе социального развития, тогда как на другом — более развитые в смысле социального капитала государства с демократическими политическими институтами и либеральным рынком. При этом, путь от одного типа социально-политического и экономического развития к другому отнюдь не лежит через одно только увеличение социального доверия и накопления «более солидарного» социального капитала. Для качественного перехода необходим комплекс мер, реформ, структурных изменений в обществе и менталитете как совокупности социокультурных особенностей и социальных установок, присущих той или иной социальной организации. В этом смысле Ф. Фукуяма «четко оговаривает <...> определяющую роль рыночных регуляторов, важность учета в хозяйственном регулировании либерального макроэкономического лозунга «Не навреди!». Он не пытается рассуждать о культуре там, где необходимо учитывать действие объективных рыночных законов[16]». Тем не менее, именно социальный капитал и социальное доверие являются «фоном» либо же «фундаментом», на которых осуществляется социальная, политическая или экономическая деятельность. Ценность работы Ф. Фукуямы для нашего исследования заключается в том, что он определил зависимость успешности предприятий различного характера от уровня социального доверия в той среде, где эти предприятия осуществляются.

Значимую роль социальному доверию придавал Э. Усланер в своей работе «Демокра-

тия и социальный капитал». Э. Усланер выделяет два вида социального доверия, которые определяются характером социальных связей в социальном капитале актора. Если социальные связи устанавливаются преимущественно среди членов семьи и близких знакомых, то мы можем говорить о частном доверии (*particularized trust*), в котором сильны ощущения аутгрупповой дискриминации и ингруппового фаворитизма (проблема «мы» и «они»)[17]. Во взаимозависимом мире, когда акторы готовы идти на контакты с незнакомцами, доверие по отношению к большинству людей будет непременно выше. Такое доверие называется обобщенным (*generalized trust*), и именно оно способствует поведению рационального риска[18]. Обобщенное доверие, как отмечает Э. Усланер, «может сделать общество здоровым и состоятельным (если не мудрым). <...> И хотя доверие может и не производить богатство напрямую, оно все же, посредством толерантности, способствует увеличению торговли, что в итоге оборачивается еще большим процветанием».

Э. Усланер отмечает, что демократические общества — это общества доверия[19]. Еще Р. Патнэм отмечал, что в обществах с высоким социальным капиталом индивиды охотнее участвуют в гражданской жизни и принимают активное участие в деятельности общественных организаций[20]. Э. Усланер отмечает, что именно обобщенное доверие лежит в основе подобных социальных настроений. В тоталитарных сообществах индивиды вынуждены подчиняться жестким правилам, и акторы, будучи не до конца уверенными в том, является ли их сосед агентом государства или нет, меньше стремились доверять друг другу. Наследием тоталитарных режимов и стала концентрация высокого уровня доверия внутри семьи. В авторитарных режимах акторы уже доверяют более широкому кругу лиц, однако только в демократиях, хотя и не во всех, можно обнаружить высокий уровень доверия к незнакомцам.

После проведенного выше анализа теоретических разработок, касающихся проблематики социального капитала и социального доверия, наиболее логичным для дальнейшего анализа видится краткое рассмотрение актуального состояния этих явлений в современной России.

Прежде всего, это точка зрения Р. Патнэма, который видел в российской ситуации черты, похожие на ситуацию юга Италии. Однако Р. Патнэм, говоря о том, что «будущим Москвы может стать Палермо», подразумевал, что демократические изменения в современной России могут спровоцировать и положительные изменения в социальном капитале. Как мы выяснили позднее, социальный капитал, а также уровень социального доверия, не могут быть изменены при помощи реформирования сверху. Наоборот, в контексте институционального развития эти явления сами выступают почвой, на которой должны произрасти проводимые государством изменения.

Ф. Фукуяма в своих оценках российской действительности был куда более категоричен. Он отмечал, что уровень индивидуализации в современном российском обществе настолько высок, что даже благоприятные для частного доверия и фамилистического (или, по Р. Патнэму, семейственного) социального капитала изменения не могут запуститься, так как институт семьи находится в упадке. Про российское гражданское общество, которое могло бы явиться почвой для обобщенного доверия и гражданского социального капитала, Ф. Фукуяма отдельно даже не говорит, отмечая лишь, что в условиях российского доверия процветать будут, скорее, преступные организации.

Такие оценки в большинстве своем являются справедливыми. Высокий уровень частного доверия не способен запустить процесс накопления социального капитала. Если принять во внимание теорию *Path Dependence*, которую исследователи обычно распространяют на экономическое развитие, то в условиях сохраняющихся тенденций низкого уровня обоб-

щенного доверия мы не можем говорить о повышении социального капитала российского общества. Иными словами, отечественный социальный капитал и непосредственно связанное с ним развитие политических и гражданских институтов находятся под влиянием эффектов предопределенности развития, которые словно в порочном круге возвращают российское общество в исходную точку с теми же самыми проблемами. На наш взгляд, проблематика «эффекта колеи» способна дать ответ на поставленный исследовательский вопрос. Здесь мы отметим работу Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки», так как в ней подчеркивается взаимозависимость социального, политического и экономического развития, и именно изменения во всех этих трех сферах общества и государства способны через достаточное количество времени привести к улучшению общей ситуации.

Однако для большей объективности необходимо сказать, что рассмотренные концепции социального капитала у западных исследователей основаны на опыте обществ, которые относительно давно являются и демократическими, и рыночными. В их социокультурной среде достаточно распространена гражданская солидарность, определяемая гражданской толерантностью, проявляющейся в праве всех граждан быть различными[21], из-за чего уровень гражданской культуры значительно выше, чем в современной России; высоки и показатели обобщенного доверия, которое Э. Усланер определял, в том числе, как готовность к рисковому поведению, что свойственно для капиталистических государств с рыночной экономикой. Российское общество в начале 90-х годов, когда в стране были запущены процессы демократизации и появились условия для увеличения социального капитала, имело абсолютно другие стартовые позиции. Необходимо принимать во внимание, что в Советском Союзе рыночные отношения, которые бы способствовали повышению уровня социального доверия, были максимально ограничены и практически не распространены. Гражданское общество, а также социальные установки, направленные на его развитие, в условиях советского режима подавлялись, при этом индивидам не гарантировалась независимость частной жизни, которая в рамках логики тоталитаризма была подчинена государству. Еще одной причиной слабого развития социальной активности граждан в советскую эпоху, которая является одним из наиболее важных факторов гражданского общества, стало отсутствие существенного противопоставления интересов гражданского общества и государства, так как тот слой населения, который всегда противопоставлял себя государству и действовал вне его, в некоторых случаях начинал входить в структуры государственной власти, что было обусловлено высокой социальной аморфностью, вызванной тотальным контролем государства над личностью и обществом[22]. Таким образом, становится абсолютно ясно, что к началу социально-политических изменений в российской обществе практически не было тех, кто был бы готов участвовать в развитии институтов гражданского общества, которые могли бы спровоцировать рост социального капитала.

В чем еще может заключаться проблема социального капитала в современной России? Принимая во внимание отмеченные и Ф. Фукуямой, и Э. Усланером особенности социального доверия, которое является «цементом» социального капитала, являясь при этом морально-этическим базисом при установлении новых социальных связей, мы непременно придем к проблематике менталитета постсоветского человека. Наиболее масштабные разработки в этой области были проведены специалистами «Левада-Центра» в рамках исследования «Постсоветский человек и гражданское общество». Этот «постсоветский человек», считают исследователи, обладает следующими чертами: принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром. «Отличительные его черты - принадлежность социальной системе, режиму, его способ-

ность принять систему, но не его активность[23]». Именно эти черты в совокупности дают образ «правильного постсоветского человека», неспособного к самоорганизации вне и помимо государства. Однако, характеризуя, таким образом, советский и ранний постсоветский образ мышления, авторы исследования подчеркивают противоречивую сущность «массового постсоветского человека». Такой человек, отрицая возможность благоприятного действия для себя и общества внегосударственной сферы, одновременно с этим знает, что «реальное государство его обязательно обманет, не даст что-то даже из того, что ему положено «по закону», будет всячески стараться выжать из него все, что можно, оставив ему минимальный объем средств для выживания. Поэтому он считает себя вправе уклоняться от того, что от него требует власть»[24]. Таким образом, отношение к государству у «постсоветского человека» имеет две отличительные и противоречивые черты, которые, тем не менее, сообщают нам одну общую характеристику - признание полноты дееспособности за тем, кто стоит выше на социальной лестнице и обладают властью, иными словами, тотальный внутригосударственный патернализм. Раскрывая этот феномен, авторы говорят о массовых представлениях о роли государства, которое должно заботиться о населении, удовлетворяя его основные потребности, и населении, которое обязано поддерживать власть, работать, защищать «интересы государства», сознательно принимая все, что от него требует государство, как «исполнение своего патриотического долга» или гражданских обязанностей. «Подобный режим двоемыслия (мозаичность сознания, партикуляризм, способность соединять кажущиеся несовместимыми нормы и представления) порождает человек, достаточно эластичного, чтобы выносить внешнее давление и контроль («русское терпение»), и вместе с тем неспособного к коллективной солидарности или систематической рационализации собственного действия, готового приспособиться к любым переменам ценой снижения запросов и качества жизни (выбор понижающих стратегий жизни)[25]». Столь же низким является и доверие к институтам вообще, что вызвано фрагментацией социальных связей и изоляцией узких кругов. «В этих условиях недоверие ведет к пассивности, которая, в свою очередь, ослабляет и без того слабое доверие[26]». Как можно наблюдать, проблемы менталитета постсоветского человека также усугубляют «эффект колеи», так как ключевые особенности социальных установок российского населения обязательно будут воспроизведены в следующих поколениях. Это видно и по динамике индекса социальных настроений, и в целом по опросам общественного мнения, которые также проводит «Левада-Центр».

В ходе эмпирического анализа обобщенного доверия на основе исследований World Values Survey, European Values Study, Edelman Trust Barometer уровня доверия в России за 1990-2015 года было выяснено, что это явление обладает достаточно сложной природой. Понимая обобщенное доверие как ключевой фактор социального капитала, мы обнаружили, что на его формирование значительное влияние оказывает экономическая и политическая обстановка в государствах: в моменты кризисов уровень обобщенного доверия падал, отчего условия для увеличения социального капитала в обществе также снижались; в моменты экономической и политической стабилизации, спустя некоторый временной лаг, уровень обобщенного доверия начинал увеличиваться, вследствие чего и условия для накопления социального капитала российским обществом виделись более благоприятными. Однако как и в случае большинства социальных явлений, на увеличение доверия в обществе оказывают влияние множество внешних факторов, в результате чего поведение этого показателя и его влияние на социальный капитал становятся весьма непредсказуемыми, однако это кажется лишь на первый взгляд. При более детальном и комплексном анализе других социальных показателей можно обнаружить некоторые закономерности, схожие с теми, которые выявляются в ходе анализа обобщенного доверия. Мы предполагаем, что эти закономерности можно объяснить отдельными характеристиками коллективных

представлений массового «постсоветского человека». Грамотно воздействуя на эти характеристики посредством влияния на общественное сознание, возможно серьезно повлиять на актуальный уровень обобщенного доверия, что, в теории, должно благоприятно повлиять на накопление социального капитала.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на положительные изменения социального доверия российского общества в последние несколько лет на фоне социально-политической консолидации российского общества и государства, а также «консервативного поворота» («консервативной волны»), формирование социального капитала и его трансформация в гражданскую форму в современной Российской Федерации не наблюдаются. Связано это может быть с тем, что, с одной стороны, российское общество находится в самом начале пути создания демократических институтов, способных в достаточной мере извлечь ресурс социального доверия для увеличения социального капитала. С другой стороны, между отечественным гражданским обществом и государством не сформировался некоторый консенсус, в результате чего социальная активность и солидаризация гражданская общества, в рамках которых увеличение обобщенного доверия и накопление гражданского социального капитала могут происходить более ускоренными темпами, находятся в «замороженном» виде либо же порицаются. Эффективных форм взаимодействия гражданского общества и государства в современной России нет, так как пока не оформлена одна из главных черт гражданского общества - осознанная потребность индивидов в развивающихся гражданских отношениях. В этих условиях государство не будет доверять гражданскому обществу, а массы на фоне социально-политической консолидации будут неактивными и сугубо провластными, что негативно будет влиять на социальный капитал ввиду сокращения социальных контактов, в том числе и на основе реципрокности. Тем не менее, государством в отношении большинства социально-политических вопросов избран путь актуализации специфических черт постсоветского менталитета, в частности, изоляционизма и имперских амбиций населения. В этих условиях использование ресурса социального доверия не представляется вероятным, хотя его накопление, скорее всего, будет происходить до исчерпания информационного потенциала современной кризисной повестки. По истечении этого времени, российское общество столкнется с тяжелыми последствиями нынешнего финансово-экономического кризиса. В то же время, стоит отметить, что сильная зависимость этого кризиса от внешнеполитической обстановки максимально снижает горизонт прогноза возможных состояний социального капитала и доверия.

[1] Цит. по: Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge (Ma), 1990 / Левин И. Б. Гражданское общество на Западе и в России. // Гражданское общество в России: Западная парадигма и российская реальность. М.: ООД ИМЭМО РАН, 1996. - с. 17.

[2] Цит. по: Putnam R. Tuning in, Tuning out: the Strange Disappearance of Social Capital in America. - PS: Political Science and Politics. December 1995. Vol. XXVIII. N 4 / Левин И. Б. Гражданское общество на Западе и в России. - с. 18.

[3] Титов, В., Ващук, А. Проблемы социального капитала в современном мире. [Электронный ресурс] / Проблемы современной экономики. - СПб., 2012 // URL: <http://cyberleninka.ru/sotsialnogo-kapitala-v-sovremennom-mire> (22.03.15).

[4] Привед. по: Alesina, A, George-Marios A. (2005). Fairness and Redistribution. American Economic Review 95(4), 960-980. // Borisova, E., Govorun, A., Ivanov, D., Levina, A. Who to help? Trust and preferences over redistribution in Russia [Электронный ресурс] / Economics/EC. WP BRP. Высшая школа экономики, 2014. No. 67. // URL: <http://publications.hse.ru/preprints/13> (22.03.15).

[5] Привед. по: Luttmer, E.F.P., Monica S. (2011). Culture, Context, and the Taste for Redistribution. *American Economic Journal: Economic Policy* 3(1): 157-79. // Borisova, E., Govorun, A., Ivanov, D., Levina, A. Who to help? Trust and preferences over redistribution in Russia [Электронный ресурс] / *Economics/EC. WP BRP. Высшая школа экономики*, 2014. No. 67. // URL: <http://publications.hse.ru/preprints/135839068> (22.03.15).

[6] Привед. по: Corneo, G., Gruniger, H. P. (2002). Individual Preferences for Political Redistribution. *Journal of Public Economics*, 83(1), 83-107. // Borisova, E., Govorun, A., Ivanov, D., Levina, A. Who to help? Trust and preferences over redistribution in Russia [Электронный ресурс] / *Economics/EC. WP BRP. Высшая школа экономики*, 2014. No. 67. // URL: <http://publications.hse.ru/preprints/135839068> (22.03.15).

[7] Alesina, A., Giuliano, P. (2011). Preferences for Redistribution. In Alberto Bisin, Jess Benhabib, Matthew O. Jackson, eds. *Handbook of Social Economics 1*, North-Holland, 93 - 131. [Электронный ресурс] // URL: [http://darp.lse.ac.uk/papersdb/Alesina-Giuliano_\(NBER14825\).pdf](http://darp.lse.ac.uk/papersdb/Alesina-Giuliano_(NBER14825).pdf) (22.03.15).

[8] Bergh, A., Björnskov, C. (2014). Trust, Welfare States and Income Equality: Sorting out the Causality. *European Journal of Political Economy*, 35, 183-199. [Электронный ресурс] // URL: http://www.academia.edu/2956563/Trust_Welfare_States_and_Income_Equality (24.05.2015)

[9] Carothers, T. The End Of The Transition Paradigm [Электронный ресурс] / *Journal of Democracy*, Washington, DC. USA. // URL: <http://www.journalofdemocracy.org/article/end-transition-paradigm> (19.03.15)

[10] Доманов В. Г. Гражданское общество: современный концепт и перспективы его реализации в России. - Р.-на-Дону: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук, 2010. - 54 с.;

[11] Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты / А.Ю. Мельвиль / *Политология: Лексикон* / Под ред. А.И.Соловьева. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mgimo.ru/files/31076> (19.03.15).

[12] Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — с. 56.

[13] Там же, с. 58.

[14] Там же.

[15] Там же, с. 58-60.

[16] Там же, с. 713.

[17] Uslaner, E. M. *Democracy and Social Capital*. // Forthcoming in Mark Warren, ed., *Democracy and Trust* (Cambridge: Cambridge University Press) - Chapter 5-5.

[18] Ibid.

[19] Ibid, Chapter 5-26.

[20] Putnam R. *Making Democracy Work*. / Princeton University Press (May 27, 1994) [Электронный ресурс]. // URL: <http://press.princeton.edu/titles/5105.html> (22.03.15)

[21] Приведено по: Доманов В. Г. Гражданское общество: современный концепт и перспективы его реализации в России. - с. 10-12.

[22] Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Постсоветский человек и гражданское

общество. - М.: Московская школа политических исследований, 2008. - с. 22-24.

[23] Там же, с. 5.

[24] Там же, с. 6.

[25] Там же, с. 8-9.

[26] Там же, с. 30.

Источники и литература

- 1) Бурдьё, П. Формы капитала [Электронный ресурс] / Экономическая социология. – 2002. – № 5. – С. 60–75 // URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital> (19.03.2015)
- 2) Гидденс, Э. Последствия современности // М.: Праксис, 2011. - 343 с. - (Серия «Образ общества»). / Пер. с англ. Г.К.Ольховикова; Д.А.Кибальчича; вступ. статья Т.А.Дмитриева.
- 3) Григоренко, Б. Доверие как предмет социологического анализа: социокультурный аспект [Электронный ресурс]. // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-predmet-sotsiologicheskogo-analiza-sotsiokulturnyy-aspekt> (24.05.2015).
- 4) Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Постсоветский человек и гражданское общество. – М.: Московская школа политических исследований, 2008. – 96 с.
- 5) Гужавина, Т. Социальное доверие в гражданском обществе [Электронный ресурс]. // URL: <http://pdt.vscs.ac.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=2440> (19.03.2015).
- 6) Дементьев, И. Доверие как индикатор социального капитала [Электронный ресурс]. // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-indikator-sotsialnogo-kapitala> (24.05.2015).
- 7) Доманов В. Г. Гражданское общество: современный концепт и перспективы его реализации в России. - Р.-на-Дону: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук, 2010. – 54 с.;
- 8) Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – №3. – С. 122–139
- 9) Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты / А.Ю. Мельвиль / Политология: Лексикон / Под ред. А.И.Соловьева. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mgimo.ru/files/31076/31076.pdf> (19.03.15).
- 10) Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [Текст] / пер. с английского Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 480 с.
- 11) Титов, В., Ващук, А. Проблемы социального капитала в современном мире. [Электронный ресурс] / Проблемы современной экономики. – СПб., 2012 // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialnogo-kapitala-v-sovremennom-mire> (22.03.15).
- 12) Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730, [6] с.
- 13) Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века /Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.

- 14) Alesina, A., Giuliano, P. (2011). Preferences for Redistribution. In Alberto Bisin, Jess Benhabib, Matthew O. Jackson, eds. Handbook of Social Economics 1, North-Holland, 93 – 131. [Электронный ресурс] // URL: [http://darp.lse.ac.uk/papersdb/Alesina-Giuliano_\(NBER14825\).pdf](http://darp.lse.ac.uk/papersdb/Alesina-Giuliano_(NBER14825).pdf) (22.03.15).
- 15) Bergh, A., Bjørnskov, C. (2014). Trust, Welfare States and Income Equality: Sorting out the Causality. European Journal of Political Economy, 35, 183-199. [Электронный ресурс] // URL: http://www.academia.edu/2956563/Trust_Welfare_States_and_Income_Equality_What_ (24.05.2015).
- 16) Borisova, E., Govorun, A., Ivanov, D., Levina, A. Who to help? Trust and preferences over redistribution in Russia [Электронный ресурс] / Economics/EC. WP BRP. Высшая школа экономики, 2014. No. 67. // URL: <http://publications.hse.ru/preprints/135839068> (22.03.15).
- 17) Burt P. Structural Holes: The social structure of competition. – Cambridge, MA. – 1992. – P. 9
- 18) Carothers, T. The End Of The Transition Paradigm [Электронный ресурс] / Journal of Democracy, Washington, DC. USA. // URL: <http://www.journalofdemocracy.org/article/end-transition-paradigm> (19.03.15)
- 19) Putnam R. Making Democracy Work. / Princeton University Press (May 27, 1994) [Электронный ресурс]. // URL: <http://press.princeton.edu/titles/5105.html> (22.03.15)
- 20) Putnam, R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy, January 1995.
- 21) Schmitter, Ph., Karl T. What Democracy Is... and Is Not [Электронный ресурс] // URL: <https://nehs-arcomp.gov.wikispaces.com/file/view/What+Democracy+Is+and+Is+Not.pdf> (07.05.2015)
- 22) Uslaner, E. M. Democracy and Social Capital. // Forthcoming in Mark Warren, ed., Democracy and Trust (Cambridge: Cambridge University Press) – Chapter 5.
- 23) Латов, Ю. Сравнительный анализ межличностного и институционального доверия как социального капитала России. / Казначеевские чтения No1, 2010. Качество социальной жизни в России: история и современность. Сб. докладов участников международной научно-практической конференции / Под общ. Ред. академика В.П. Казначеева, – Новосибирск, 2010.
- 24) Левин И. Б. Гражданское общество на Западе и в России. // Гражданское общество в России: Западная парадигма и российская реальность. М.: ООД ИМЭМО РАН, 1996. – с. 6-19;
- 25) Доверие институтам власти. / Левада-Центр, 2013. [Электронный ресурс] // URL: www.levada.ru/%2F07-10-2013/%2Fdoverie-institutam-vlasti (19.05.2015)
- 26) European Values Study 2008: Russian Federation (EVS 2008). / EVS (2010): European Values Study 2008: Russian Federation (EVS 2008). GESIS Data Archive, Cologne. ZA4777 Data file Version 1.1.0, doi:10.4232/1.10170 [Электронный ресурс] // URL: <https://dbk.gesis.org/dbksearch/SDesc2.asp?ll=10¬abs=&af=&nf=&search=&search2=&> (18.05.2015)
- 27) GDP per capita (current US\$) / World Development Indicators [Электронный ресурс]// URL: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx?isshared=true> (09.05.2015)

- 28) Global Results – Edelman Trust Barometer, 2013 / Барановский, М. Феномен доверия в современных социологических исследованиях. Власть . 2013. №6. [Электронный ресурс] // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-doveriya-v-sovremennyh-sotsiologicheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 07.05.2015).
- 29) Индексы национального благополучия. / Левада-Центр, 2015. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/indeksy> (24.05.2015). Национальные счета. / Федеральная служба государственной статистики [Электронные ресурсы] // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (22.05.2015)
- 30) Edelman Trust Barometer - Global Results [Электронный ресурс] // URL: <http://www.slideshare.net/EdelmanInsights/2015-edelman-trust-barometer-global-results> (07.05.2015)
- 31) European Values Study / European Values Study and GESIS Data Archive for the Social Sciences. [Электронный ресурс] // URL: http://www.europeanvaluesstudy.eu/frnShowpage?v_page_id=2361023477820045 (07.05.2015)
- 32) General Social Survey Data [Электронный ресурс]. // URL: <http://www3.norc.org/GSS+Website/Download/SPSS+Format/> (07.05.2015)
- 33) Online Data Analysis – World Values Survey. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (07.05.2015)
- 34) Исследовательский проект «Коллективная гражданственность — ресурс для будущего России». Отчет по экспертным интервью. / Центр политических технологий. М., 2013.
- 35) Исследовательский проект «Коллективная гражданственность — ресурс для будущего России». Отчет по групповым дискуссиям. / Центр политических технологий. М., 2013.